

УСТНОЕ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО АРЦАХА (обзор)

А. С. ГАЗИЯН

Арцах—одна из самобытных древних историко-этнографических областей Армении. За последние 130 лет был собран богатый и разнообразный материал по народно-поэтическому творчеству Арцаха.

Первые записи по народному устно-поэтическому творчеству были сделаны в городе Шуше в 1860 г. выходцами из известного рода Багатрянов*. Ими записаны больше трех десятков сказок, четверостиший, образцы обрядовых и шуточных песен. В начале 80-х гг. прошлого столетия сельским учителем М. Тер-Ованисяном в его родном селе Нор Шен записаны интереснейшие образцы разных жанров. Весьма ценные материалы записаны К. Мелик-Шахназаряном (Тмблаци Хачан), братьями Х. и А. Дадянами. Их собирательская деятельность относится к концу прошлого и началу нашего столетия. Рукописное наследие указанных собирателей частично было опубликовано¹. Собранные известным народоведом Е. Лалаяном и его корреспондентами фольклорные материалы напечатаны на страницах «Этнографического журнала», который был основан в Шуше (там же в 1896 г. вышел его первый номер). Фольклор, преимущественно повествовательных жанров, переведенный на русский язык, публиковался на страницах журнала Кавказского учебного округа Министерства народного образования².

В области собирания и издания фольклора Арцаха значительный вклад внесен М. Бархударяном. В 1883 г. в Тифлисе вышел в свет его сборник «Пыл Пуги», куда вошли анекдоты известного карабахского балагура Пыл Пуги (Сумасбродный Погос). В 1898 г. в Тифлисе был издан второй сборник М. Бархударяна «Нравственные пословицы, поговорки».

Образцы отдельных фольклорных жанров нашли место в трудах известного романиста Раффи, историка Лео, на страницах дореволюционной периодической печати.

В пятидесятые годы нашего столетия, особенно после создания отдела фольклора в Институте археологии и этнографии АН Армянской ССР, собирание и публикация народно-поэтического творчества Арцаха приняли более организованный и целенаправленный характер. Появились новые имена, чья собирательская деятельность обогатила фольклорное наследие области и всего армянского народа: М. Григорян-Спандарян, М. Мхитарян, М. Аракелян, А. и Б. Газияны, С. Варданян, Ш. Оганджаниян и др. Вышли в свет новые публи-

* Один из них, Аракел, ученик Шушинской духовной семинарии, впоследствии стал видным педагогом.

¹ Т. Навасардян, Армянские народные сказки, кн. VIII—X, Тифлис, 1894—1903; Арарат, 1895, № 12; Этнографический журнал, кн. II—III, Тифлис, 1897—1898, кн. XVII—XIX, Тифлис, 1897—1910 (все—на арм. яз.).

² Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, кн. VI, VII, XIII, XIX, XXIV, Тифлис, 1888—1898.

кации³; образцы отдельных жанров вошли в сводные жанровые издания. Собираанием произведений фольклора занимается также Степанакертский дом народного творчества.

В настоящее время накопилось богатое, многожанровое рукописное и печатное наследие по фольклору Арцаха, нуждающееся в научной оценке и классификации, определении содержания, основных мотивов, форм и обстоятельств бытования и существования, взаимосвязи с общенациональным фольклорным фондом. Между тем имеются лишь отдельные статьи и высказывания по столь самобытному и глубоко национальному духовному наследию.

Жанровый состав фольклора Арцаха в основном соответствует жанрам традиционного фольклорного общенационального наследия. В нем представлены обрядовый и детский фольклор, сказочная и несказочная проза, песни, паремология, заклинательный фольклор, загадки.

Обрядовый фольклор сохранен в письменной и печатной традиции, хотя и имеются некоторые современные записи⁴.

Жизненный цикл человека в обрядовом фольклоре представлен малочисленными записями свадебных песен, песен-плясок, хотя в литературе имеются неоднократные упоминания об их бытовании. Сравнительно устойчива традиция бытования похоронных песен-плачей (сёк). В настоящее время они бытуют в жизни арцахцев. Песни-плачи исполняются как при похоронах, так и во время поминальных дат (второй, седьмой, сороковой день). Содержание их носит импровизированный характер, основной мотив—восхваление покойного, выделение отдельных моментов его биографии. Песни-плачи обычно имеют концовку, в которой содержится просьба об умилоствлении души покойного по отношению к живым.

В обрядовом фольклоре Арцаха выделяется цикл календарно-новогодних песен, аветисов (на местном диалекте—аллелия), отдельные образцы которых бытовали до 70-х гг. Носителями указанных песен были мальчики-подростки. Песнопениями, обходя дома в ночь на сочельник, они выражали пожелания благополучия, богатого урожая и приплода каждому дому и заполучали масло, яйца, сладости и мелкие деньги, после чего устраивали коллективную трапезу⁵. Хотя песни приурочены к христианскому празднику—в них славилась рождение и крещение Христа, однако основное их содержание носило явные земледельческий характер⁶.

В этнографической области до наших дней бытовали песни вызывания дождя при засухе (годи) и о прекращении обильных вредоносных дождей (джоли). Обе песни исполнялись при выполнении ритуальных действий (обливание камней в культовых местах, вспашка

³ Армянские народные сказки, т. V, Арцах, Ереван, 1966; то же, т. VI, Арцах—Утик, 1973; т. VII, Арцах—Сюник, 1979; Фольклор Нагорного Карабаха, Ереван, 1971; Образцы народного творчества Нагорного Карабаха, Ереван, 1978; Армянская этнография и фольклор, вып. 15, Арцах, Ереван, 1983 (все—на арм. яз.).

⁴ Арарат, 1895, № 12. Центральный государственный исторический архив АрмССР (далее—ЦГИА), ф. № 319 (Х. Дадян), л. 87, л. 44—56; Архив сектора фольклора Института археологии и этнографии АН АрмССР (далее—АСФ), фонды С. Варданян, А. Газиян и др.

⁵ Арарат, 1895, № 12, с. 469—471 и др.

⁶ Ср.; А. Одабашян, Новогодний праздник в армянском народном календаре (Армянская этнография и фольклор, вып. 9, Ереван, 1978, с. 11—70). (на арм. яз.).

сухого русла реки переодетыми в мужскую одежду женщинами-пахарями, изготовление крестообразной куклы и т. д.). Если песни о вызывании дождя имеют широкое бытование во многих этнографических областях Армении (Айрат, Васпуракан, Джавахк, Гугарк)⁷, то песни джолы, вероятно, архаическое явление, обусловленное местными климатическими особенностями⁸. Как в записях прошлого столетия, так и в новых записях устойчивые формулятивные выражения песен, на наш взгляд, имеют древнейшие культовые корни. Годи и джолы, помимо основного содержания, касающегося вызывания или прекращения дождя, содержат просьбу пожертвовать рис, масло, яйца для изготовления жертвенной пищи.

В обрядовом фольклоре особо выделяются молитвы⁹. Молитвы дошли до наших дней и в устной традиции. Образцы этого жанра — пространственные рифмованные произведения в стихотворной форме. В них действуют общехристианские, общенациональные персонажи и святыни (Христос, св. дева и т. д.). Часть образцов не имеет конкретного содержания. Молитвы имеют строгую функциональную разграниченность. Выделяются следующие образцы при выполнении определенных обрядовых действий: лечебные, против сглаза, нашествия вредоносных насекомых, мышей, укуса змеи, волка и т. д.¹⁰

Детский фольклор — яркая, богатая часть фольклорного наследия Арцаха. С функциональной точки зрения прослеживаются два раздела в детском фольклоре: фольклор для детей, носитель которого — взрослые, и фольклор, носители которого дети, предназначенный детям. Наиболее многочисленными записями представлены колыбельные и игровые песни. Колыбельные для мальчиков и девочек отличаются друг от друга. В них отражается традиционное патриархальное отношение к мальчику как продолжателю рода и к девочке — как свече чужого очага. Колыбельные и игровые песни необычайно богаты яркими художественно-выразительными средствами, выделяются отшлифованностью строфы. Создатели и исполнители колыбельных песен — женщины — внесли в их канву и содержание многогранные краски собственных переживаний, эмоций и надежд. Игривые песни, рифмованные шутки исполнялись в сопровождении ритмичных движений частей тела, способствовали умственному и физическому развитию детей.

В фольклорном быту детей были широко распространены игровые, шуточные песни, считалки, дразнилки, скороговорки, песни, связанные с окружающим растительным и животным миром. Игривые, шуточные песни содержат следы некогда бытовавших обрядов и верований (вызывание солнца, сватовство и др.). Жанровая структура детского фольклора области при всей своей самобытности отражает общенациональные черты данного жанра¹¹.

В фольклорном наследии Арцаха основной и типичный жанр — эпический: сказочная и несказочная проза.

⁷ Ср.: М. Абебян, Труды, т. VII, Ереван, 1975, с. 76—78 (на арм. яз.).

⁸ Ср.: Гр. Капанцян, Историко-лингвистические работы, т. II, Ереван, 1975, с. 321—322.

⁹ ЦГИА, ф. № 319, д. 14, л. 6, д. 19, л. 38, д. 87, л. 39; Е. Лалаян, Труды, т. II, Ереван, 1988, с. 186—189, 199 (на арм. яз.).

¹⁰ Ср.: Г. Срвандзтянц, Труды, т. I, Ереван, 1978, с. 272, 557, 611; Е. Лалаян, Труды, т. I, Ереван, 1983, с. 331—350 и т. д. (на арм. яз.).

¹¹ Ср.: Р. Григорян, Армянские народные колыбельные и детские песни, Ереван, 1970 (на арм. яз.).

Сказочная проза представлена волшебными, реалистическими новеллистическими сказками—сиравепами (романы) и сказками о животных.

Основные типы сказок этнографической области записаны в 60-х гг. прошлого столетия Багатрянами¹² и несколько позже—Арамом Дадяном¹³. Варианты этих типов примерно в то же время были записаны видными армянскими фольклористами Г. Срвандзтянцем в Западной Армении¹⁴ и Т. Навасардяном—в Айрарате¹⁵. Некоторые из вариантов, содержащие отголоски архаических верований (культ солнца, змеи, превращение и т. д.) обнаруживают очень близкое сходство мотивов, сюжетов, сказочных имен. Последние записи сказок Арцаха, сделанные примерно сто лет спустя, подтверждают устойчивость сказочной традиции¹⁶.

Волшебным сказкам Арцаха присущи следующие семейные исходные ситуации: благополучная царская (обыкновенная) семья, не имеющая детей; постаревший король, которого необходимо омолодить; мачеха, не терпящая дома падчерицу (девочку и мальчика); умирающий царь, завещающий сыновьям три дня сторожить могилу, не ходить в указанные места, добыть жар-птицу, яблоко и т. д. Наиболее типичны и распространены следующие мотивы: чудесное рождение, главным образом от яблок; приобретение чудесных свойств поеданием частей тела животных, птиц, заклинанием; исцеление, омоложение поеданием частей тела сказочных вишапов, водой; испытание силы героя; единоборство героя с вишапами, змеями; убийство вишапа и освобождение девушки; убийство змея под деревом и спасение птенцов; выход из темного царства на крыльях сказочной птицы (матери птенцов); пожертвование детей, воскресение от дневной смерти окропыванием, купанием водой; разгадывание причин смеха рыб; неизбежность рока; наказание за разглашение тайны; истребление стариков; превращение змея, осла—в молодца, лягушки—в красавицу невесту, женщины—в волка.

В исследуемых волшебных сказках обычно достигает цели младший из двух (трех) сыновей. Он либо половинчатый от роду, либо придурковатый, либо плешивый. Он сторожит могилу отца, достает жар-птицу, яблоко, добывает воду из глубокого колодца, убивает вишапа, змею и т. д. В сказках употребляются следующие имена: Аревманук (дитя солнца), Оцманук (дитя змеи), Кисландж (половинчатый), Качал (плешивый), Кунт (низкий), Аслан-бала (дитя льва), Алексанос, Св. Саркис, Ках ошап (Хромой вишап) и т. п., которые известны также из сказок ряда этнографических областей Армении.

Реалистические, новеллистические сказки можно группировать как по сюжетам, так и по персонажам. Наиболее распространены и разнообразны сюжеты о взаимоотношениях супругов. Типичны следующие сюжеты об испытании верности супругов: царь (шах), становясь свидетелем измены жены, приказывает уничтожить весь женский род, однако старый отец визиря, рассказывая историю об исключительной верности одной женщины, спасает женщин. Или: найденный клеветчик на сестру, ее «убивают», царевич находит ее в лесу, женится на

¹² Армянские народные сказки, т. VI, Ереван, 1973 (на арм. яз.).

¹³ Республиканский научно-методический центр, ф. А. Дадяна (рук.).

¹⁴ Г. Срвандзтянец, Труды, т. I (на арм. яз.).

¹⁵ Армянские народные сказки, т. I—II, Айрарат, Ереван, 1979 (на арм. яз.).

¹⁶ Армянские народные сказки, т. V, Ереван, 1966; т. VII, Ереван, 1979; Ар-

ней; визирь, не достигнув в пути цели, убивает ее детей, но царевич после долгих странствий находит жену, которая, несмотря на тяжелые испытания, осталась ему верна.

В этом разделе сказок, как и во всем наследии повествовательных жанров, прослеживается тенденция выделения роли, значения женщины—жены в жизни мужчины, в семейных взаимоотношениях, создании семейного очага и благополучия. Так, царь (шах) становится свидетелем того, как пахарь, вспахивая землю, танцует. Оказывается, причиной тому является его умная, хозяйственная жена. Царь отдает свою жену (трех жен) пахарю и забирает к себе его жену. Или: дочь бедного крестьянина соглашается выйти замуж за царевича при условии, если он научится какому-нибудь ремеслу; царевич обучается ковроделию, что спасает потом и его, и всю страну от истребления*. Другой сюжет: мужчина, чтобы избавиться от строптивой жены, обманом бросает ее в яму—обиталище змеи (сатаны), которая, не вытерпев козней женщины, просит мужчину вытащить ее из ямы, обещав ему дары. Наиболее типичен сюжет о глухих супругах: жена отдает случайному страннику ценные вещи; муж, узнав об этом, верхом отправляется за странником, который в пути вымогает у него лошадь.

Определенное место занимает цикл сюжетов о взаимоотношениях детей и родителей. Царь (шах) издает приказ об убийстве стариков. Любящий сын прячет старого отца, благодаря советам которого сын спасает страну от врагов. Царь (шах), узнав об этом, отменяет прежний приказ. Или: два брата делят хозяйство: старшему переходит все богатство, младшему—старый отец. Младший своим трудом, благодаря советам старого отца, становится богатым, а старший теряет все. Впоследствии младший, будучи неузнанным, оказывает помощь старшему. В конце сюжета все проясняется.

Достаточно многочисленная группа сюжетов затрагивает морально-этические проблемы. Купец узнает, что один из трех сыновей ему не родной. Перед смертью свое состояние завещает двум родным, не указав, однако, кому из них. Сыновья отправляются к судье (царю), чтобы тот установил, кто из трех братьев не родной. Дочь судьи (царя) задает вопросы этического характера и по ответам выявляет незаконнорожденного. Или: крестьянин спасает змею от гибели, согрел ее на груди**; ожив, змея собирается укусить благодетеля, ее намерение подтверждают животные: лошадь, бык. Человека спасает лиса, по отношению к которой он сам оказывается неблагодарным.

Сказки с трудными задачами и сюжетами имеют широкое хождение в фольклорном быту Арцаха и в настоящее время. Загадки реалистических сказок генетически исходят из трудных задач волшебных сказок, иногда они имеют бытовую окраску, иногда обобщенный философский характер. Задачи в некоторых сюжетах разрешает девушка из низкой социальной среды и становится женой царевича (купца). В некоторых—бедный мальчик (парень), который щедро вознаграждается. В одном сюжете загадки разрешает мудрая женщина и спасает страну от большой беды. В роли советчиков в сказках выступают старые мудрые мужчины, а также популярные фольклорные персонажи Востока—Бахлул, Дарушдарадан. Следуя мудрым советам, герои достигают своей цели, избегают беды.

минская этнография и фольклор, вып. 15, Арцах, Ереван, 1983.

* В Арцахе эта сказка имеет некоторую историческую окраску.

** Ср. пословицу: согрел змею на груди.

Социальная проблематика занимает определенное место в группе реалистических сказок. Герой этих сказок часто выступает под именем Качала (плешивый), младшего брата, известного своими странностями. Старший брат не выдерживает условия договора и нанявший его хозяин срезает с его спины полосу кожи. Младший брат—плешивый—мстит за старшего, подвергнув хозяина жестоким испытаниям.

В наследии имеются циклы сказок о глупцах, неудачниках, физически ущербных персонажах: глупых, хромых, слепых. В ряде сюжетов выступают морально ущербные персонажи: лентяи, воры, скупые. Определенную группу составляют сказки о священнослужителях.

Круг сюжетов реалистических сказок не ограничивается вышеуказанными, однако он дает ясное представление о сказочном репертуаре данной этнографической области. При этом необходимо отметить, что часто ситуации, обусловленные древнейшими верованиями, религиозными представлениями, в них получают современную морально-этическую интерпретацию.

Сиравепы—восточные любовные романы—были распространены в фольклорном быту Арцаха до недавнего времени: «Шах Исмаил», «Ашуг-Гариб», «Дахар-Мирза», «Ерджан Ханум». Они имели относительно канонические сюжеты, рассказывались на местном диалекте и отрывками пелись.

В сказках Арцаха употребляемы те же формулятивные зачины, концовки, обобщающие устойчивые фразы, что и во многих областях Армении (Айрарат, Гугарк, Васпуракан, Муш, Джавахк и т. д.). Наиболее традиционны зачины: «был не был», «был царь (шах, купец, человек)», «были семь братьев (три брата) и сестра», концовки: «они достигли своей заветной цели, и вам достичь своей»; «оправили свадьбу семь дней и семь ночей», «с неба упало три яблока, одно—рассказчику, другое—слушателю, третье—всему миру» и т. д.

Несказочная проза фольклорного наследия Арцаха представлена преданиями, суеверными, новеллистическими и забавными рассказами, анекдотами и *сут* (небылицы).

В фольклорном быту области имели хождение некоторые эпические сказы («Балум и Баласи» и др.). От жителя села Сарушен А. Каспарова был записан вариант армянского героического эпоса «Сасна Црер», ветвь «Санасар и Багдасар», насыщенная сказочными мотивами¹⁷. В этнографической области были распространены также местные версии восточного эпоса Кер-оглы, на местном диалекте с песенными отрывками.

Значительное место в наследии занимает жанр преданий. Произведения этого жанра широко бытуют и в настоящее время, что свидетельствует об автохтонном происхождении народа, создавшего их. В материале по преданиям прослеживаются следующие группы: этимологические и объяснительные, агнографические и исторические¹⁸.

В этимологических преданиях нашла отражение вся топонимика: названия гор, рек, источников, поселений, культовых мест, строений и т. д. Многочисленна группа преданий, объясняющих происхождение солнца, луны, грозы, молнии, родников, рек, гор, растений и животных, поверий, обычаев, обрядовой этики, поведения человека и т. д. В преданиях обнаруживаются архаические пласты, отголоски

¹⁷ Армянская этнография и фольклор, вып. 15, Арцах, с. 12—14.

¹⁸ Ср.: А. Ганалаян, Авандапатум (предания), Ереван, 1969.

древнейших верований и представлений с поздними христианскими наслоениями (культ солнца и Великой богини-матери, бога грозы—Тора и его противника, культ умирающего и воскрешающего божества, христианского бога, Христа, пророков, местных и общенациональных святых), далее: культ воды, тотемных животных и птиц—медведя, оленя, змеи, вороны.

Агиографические и исторические предания, исторические рассказы проникнуты духом освободительной борьбы народа области против иноземных захватчиков, поработителей, посягавших на его свободу, веру и культуру. В них, наряду с мифологическими, библейскими персонажами (Христос, пророки Илья и Моисей), действуют исторические личности: Вачаган Барепашт (Благочестивый), св. Егише, св. Григорис, арцахские мелики, Аван Юзбашян, Хримян Айрик и др. В памяти народа оставили глубокий след зловещие дела Ленкимура, Ипанах-хана и др. Предания Арцаха, в особенности этимологические—объяснительные, имеют многочисленные варианты в других этнографических областях Армении¹⁹.

Суеверные рассказы (былички)—жанр, поныне бытующий в устной традиции Арцаха, что обусловлено существованием того этнографического субстрата, который заложен в произведениях этого жанра. Имеется достаточное письменное, зафиксированное наследие. Суеверные рассказы можно сгруппировать по персонажам. Наиболее многочисленны рассказы о каджках. Каджк (сатана)—основной персонаж арцахской демонологии. В рассказах отражена его двойственная сущность; положительные и отрицательные черты каджка выявляются в определенных условиях. Особенно враждебен он к роженицам и младенцам. По рассказам, каджк склонен к езде на лошади, проникает в хлевы, до изнеможения гоняет лошадей и заплетает волосы их грив и хвостов. Он обычно выступает в облике поющей и танцующей женщины, действует ночью, в глухих темных местах, привлекает одиноких путников. Каджк обитает в заброшенных развалинах строений, пещерах и опустевших мельницах и т. д. В каждом поселении области существовали семьи, имеющие своего каджка, служившего им много лет (обычно семь). По рассказам, каджк боится металлических предметов, молитв, крещения.

Широко бытует группа суеверных рассказов о святых и святых местах. Последние одаривают отдельных людей способностями врачевания, колдовства, ашугства, канатоходства. Как и каджки, святые и святые места имеют двойственный характер: они могут одаривать, исцелять и наказывать, затем излечивать молитвами, дарами и жертвоприношением. Выделяется группа рассказов о колдунах и колдовстве.

В исследуемой этнографической области существовало поверье о превращении. Имеется цикл рассказов о превращении молодых женщин в волков и возвращении их к человеческому облику через семь лет.

В фольклорном наследии по этому жанру выделяется также цикл рассказов о душе покойника в облике птицы, о потустороннем мире, о сглазе.

Следует отметить, что некоторые поверья, отраженные в рассказах, зафиксированы историографами еще в V в.²⁰. Основные сюжеты

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: М. Хоренацц, История Армении, Ереван, 1976, с. 176 (на арм. яз.).

суеверных рассказов Арцаха известны по всем этнографическим областям Армении²¹.

Новеллистические рассказы Арцаха группируются по темам, сюжетам. Прослеживается группа рассказов о верности и долге (перед родиной, родителями, семьей, любящим человеком, товарищем), о гостеприимстве, отважности, совестливости, правдивости и т. п. Народная мудрость восхваляет носителей высоких нравственных начал и этических качеств, идеализирует их и осуждает носителей пороков, жадности, лени, лжи, нечестности, богоотступничества и т. д. В рассказах отражена не только разнообразная, богатая, полная противоречий жизнь народа, но и отголоски некогда существовавших обычаев и поверий (культ хлеба-соли, собаки, обычай «добровольной» смерти стариков, каннибализм и т. д.).

Забавные рассказы, анекдоты широко распространены в фольклорном быту этнографической области и поныне. Первые их записи принадлежат перу Багатрянов. Произведения этого жанра группируются в основном вокруг комических персонажей и жителей отдельных поселений. В области наиболее популярны сюжеты о Пыл Пуги—персонаже, носящем общенациональные черты.

Пуги, по имеющимся сведениям, историческая личность. Он жил в конце XVIII в., умер в 1810 г. Указывается даже местонахождение его могилы²². Пуги был шутом-советником у врандинского грозного мелика Шахназара. Анекдоты и рассказы о Пыл Пуги касаются многих сторон общественной, политической, нравственной, правовой жизни того времени, своим острием они направлены против господствующих слоев, общественных и человеческих пороков. В рассказах Пыл Пуги выступает обычно со своим антиподом—меликом Шахназаром. При всей этнографической самобытности образ Пыл Пуги обнаруживает некоторые черты, характерные для ряда восточных комических персонажей (падишах Акбар, Бахлул, Молла Насреддин).

В наследии по этому жанру наиболее типичны забавные рассказы и анекдоты о жителях села Атерк. По народному представлению, жители Атерка глупцы—свойство, обусловленное водой местного источника, которым пользуются атеркцы*. Анекдоты и забавные рассказы атеркцам приписывают наивность и доверчивость, переходящие в глупость (сеют соль, в берлоге ищут потерянную луну, с засеянных полей прогоняют низко осевшие тучи и т. д.).

Песенные жанры в фольклорном наследии представлены хагиками (четверостишиями), трудовыми, любовными и бытовыми песнями.

Хагики (*խաղիկ*)—гадальные песенки—изначально были связаны с обрядом гадания, который на местном диалекте назывался хыдумни тал (устраивать радость). Сам обряд состоял не только из факта гадания: он сопровождался песнями-плясками, устраивалась обрядовая трапеза. В дальнейшем хагики оторвались от обряда и стали бытовать как самостоятельные лирические песенки. Их носители—девушки, молодые женщины, отчасти неженатые мужчины. Основными мотивами являются: любовь, восхваление любимого (любимой), отходничество, патриотизм и т. д. Хагики Арцаха имеют параллели и

²¹ М. Абегамян, Труды, т. VII, с. 11—102; А. Газиян, Об армянских народных суеверных рассказах (Вестник общественных наук АН АрмССР), 1983, № 8 (на арм. яз.).

²² См.: М. Бархударян, Пыл Пуги, Тифлис, 1983, с. 6—7.

* Ср.: Качетцы в районе Шатах Западной Армении (АСФ, FFI: 6525) и веганцы в Карадаге (АСФ, FAY: 6087—6089).

близкие варианты во многих этнографических областях Армении.

Особенно четко прослеживается близость, часто тождественность в художественно-выразительных средствах, носящих формулятивный характер (эпитеты, сравнения, строение строфы, рифма и т. д.), различие только в диалектных особенностях, языке²³.

Трудовые песни занимают особое место в песенном репертуаре этнографической области Арцах. Выделяются, в частности, песни пахоты (һльовур—на местном диалекте). Имеются многочисленные записи*. Пахотные песни состоят из четверострочных строф и рефренов. Содержание строф импровизированное, рефрены—устойчивы. Основные мотивы песен—восхваление пахаря, его помощников, быков, труда пахаря—источника всех благ. В пахотных песнях наблюдаются эротические мотивы, что, вероятно, имеет культовые истоки (представление о земле как о женщине-матери).

Сравнительно малочисленны любовные и бытовые песни, песни-пляски.

Заклинательный фольклор богат по жанровому составу: благословления, проклятия, застольные. Образцы этого жанра употребляются в быту народа повседневно и повсеместно, народ верит в силу слова, чуток к заклинательным формулам.

Паремология—пословицы, поговорки,—охватывает все стороны жизни народа, отражает ее многогранность, сложность и противоречивость. В них выражена не только веками испытанная мудрость, обобщенность миропонимания народа Арцаха, но и гибкость, тонкость, древность и необычайное богатство диалекта. Живая речь любого арцахца насыщена образцами поговорок и пословиц. Варианты арцахских пословиц и поговорок обнаруживаются во всех этнографических областях Армении²⁴.

Загадки в фольклорном наследии занимают довольно скромное место. Образцы их, дошедшие до нас в письменной и устной традиции, сохранили самобытность формы раскрытия содержания, красочность языка. Они большей частью рифмованы; в них прослеживаются отголоски древних верований и представлений. Арцахские загадки как по содержанию, так и по объекту разгадывания являются местными вариантами общенационального наследия по данному жанру²⁵.

Таким образом, обзор жанрового состава, основных мотивов и форм бытования фольклора историко-этнографической области Арцах свидетельствует о том, что он является местным проявлением армянского общенационального фольклорного наследия и его неотъемлемой частью.

²³ Ср.: М. Абемян, Народные хагки, Ереван, 1940 (на арм. яз.).

* Один из вариантов пахотной песни, записанный Х. Дадяном в конце прошлого века, послужил Комитасу основой для создания известной песни «Дзик ту каша» (ЦГИА, ф. № 319, д. 87, л. 22).

²⁴ Ср.: А. Ганалаян, Арацани, Ереван, 1960 (на арм. яз.).

²⁵ Ср.: С. Арутюнян, Армянские народные загадки, Ереван, 1965 (на арм. яз.).

ԱՐՑԱԽԻ ԺՈՂՈՎՐԴԱԿԱՆ ԲԱՆԱՀԱՅՈՒՍՈՒԹՅՈՒՆԸ (տեսություն)

Ա. Ս. ՂԱԶԻՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Արցախը Հայաստանի ինքնատիպ պատմաազգագրական շրջաններից է: Վերջին 130 տարվա ընթացքում Արցախից հավաքվել ու գրի են առնվել մեծ թվով բանահյուսական նյութեր: Դրանք այսօր կաղմում են բավականաչափ ծավալուն, հարուստ ու բազմաժանր ժառանգություն, որի մի մասը հրատարակված է: Արցախի բանահյուսական նյութերի ժանրային, մոտիվային, սյուժետային ու գեղարվեստաարտահայտչական միջոցների քննությունը ցույց է տալիս, որ դրանք հայ ժողովրդական բանահյուսության տեղական դրսևորումն են, նրա անբաժանելի օղակներից մեկը:

ARTSAKH'S FOLK-LORE

(Review)

A. S. GHAZIYAN

S u m m a r y

Artsakh is one of Armenia's original, historical-ethnographic districts. During the last 130 years a great number of folk-lore materials were gathered and written; today these materials form a rather extensive, rich and multigenere legacy, a part of which is published. The research of genre, motive, subject and artistic-expressive ways shows, that these materials are the manifestation of local Armenian folk-lore, one of its indissoluble part.